

Биография БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

ОКУДЖАВА Булат Шалвович (9.5.1924, Москва — 12.6.1997, Париж) — поэт, переводчик, прозаик, кинодраматург.

Род. в семье партийных работников, грузина Шалвы Степановича и армянки Ашхен Степановны. Детство прошло на Арбате, в тех самых дворах и переулках, память о которых стала его поэтич. памятью. Позднее семья жила в Нижнем Тагиле — вплоть до 1937, когда отец был обвинен в «троцкизме» и вскоре расстрелян, а мать отправлена в лагерь, затем в ссылку, продолжавшуюся с недолгим перерывом до времен «оттепели». Мальчик остался с бабушкой в Москве, в 1940 переехал к родственникам в Тбилиси. В 1942 добровольцем ушел в армию, был минометчиком, потом радистом тяжелой артиллерии. Демобилизован в 1945 после ранения, окончил экстерном среднюю школу, в 1945-50 учился на филол. ф-те Тбилисского ун-та. В 1950-55 по распределению работал учителем рус. языка и литературы в Калужской обл., затем в самой Калуге, где стал сотрудничать в областных газ. «Знамя» и «Молодой ленинец».

В семье и в тбилисском студенческом кругу было принято посещать оперу и концерты, и О. с детства хорошо знал репертуар оперного театра. С детства же писал стихи. В 1945-46 печатался в газ. Закавказского воен. округа, а в 1953-55 — в калужских газетах. В Калуге вышел его первый поэтич. сб. «Лирика» (1956), о котором он позже вспоминал: «Это была очень слабая книга, написанная человеком, страдающим калужской провинциальной самонадеянностью» (Огонек. 1987. № 9). В 1956 О. переезжает в Москву, работает редактором в изд-ве «Молодая гвардия», затем заведующим отделом поэзии в «Лит. газ.», а с нач. 60-х гг. полностью отдается творческой работе.

В 1957-58 в дружеском кругу он впервые исполняет под свой аккомпанемент на гитаре «песенки» с собственными словами и музыкой. Успех, который способствовал написанию новых песен, в большой степени объясняется огромной потребностью в иск-ве, обращенном не к массам, а к личности, с чем связан и предельно высокий в этот период интерес общества к поэзии вообще. Вскоре сложился жанр «авт. песни»: целое созвездие имен, среди которых Н. Матвеева, А. Галич, Ю. Ким, В. Высоцкий. О. стал общепризнанным основоположником жанра и, наряду с Высоцким самым ярким его представителем.

Осенью 1961 песни О. были подвергнуты жесткой критике в прессе, а в 1962 обсуждены на секции СП РСФСР, которая постановила, что «большинство этих песен не выражает настроений, дум, чаяний нашей героической молодежи» (см.: Шилов Л. «Я слышал по радио голос Толстого...» // Магнитофонная литература. М., 1989. С. 187). Подготовленная Всесоюзной студией грамзаписи первая пластинка (5 песен) не вышла в свет. Реакция О. на ввод сов. войск в Прагу (1968) и на исключение А. И. Солженицына из СП подтверждают «неблагонадежность» поэта.

Поэтич. сб-ки О. «Острова» (1959), «Веселый барабанщик» и «По дороге к Тинатин» (оба — 1964), «Март великодушный» (1967), «Арбат, мой Арбат» (1976), «Стихотворения» (1984), «Посвящается вам» (1988), «Избранное» (1989), «Милости судьбы» (1993), «Зал ожидания» (1996) и др. В кон 60-х гг. О. уходит в работу над ист. прозой.

О. являлся членом СП СССР и КПСС. В последние годы был вице-президентом Российского ПЕН-центра, членом совета общества «Мемориал» и членом учредительного совета газ. «Моск. новости», входил в общественный совет редакции ж. «Знамя», работал в Комиссии при Президенте РФ по вопросам помилования. Награжден орденом «Дружбы народов», Почетной медалью Сов. фонда мира, Гос. премией СССР (1991) за сб. «Посвящается

вам», премией Букера 1994 за ром. «Упраздненный театр». В 1990 ему была присвоена почетная степень доктора гуманитарных наук Норвичского ун-та (США). Прощание с поэтом в здании Театра им Е. Вахтангова, на Арбате, собрало тысячи его почитателей. Похоронен, согласно завещанию, в Москве на Ваганьковском кладбище.

О. выступил впервые перед широкой аудиторией в кон. 50-х гг. вместе с поэтами «оттепельной» поры (Е. Евтушенко, А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной и др.), но по сути он один из поэтов фронтового поколения, чей талант формировался в жестоких испытаниях, на переднем крае, под артиллерийским и пулеметным обстрелами. В его стихах важное место занимают образы и мотивы, обусловленные войной. Сами назв. говорят об этом: «Первый день на передовой», «Песенка о солдатских сапогах», «До свидания, мальчишки», «Песенка о пехоте» и др. В них раскрывается духовный мир человека, прошедшего испытание огнем и сохранившего в душе веру, надежду и любовь ко всему живому на земле. Для поэта и его героя характерно неприятие войны — именно как гибели и разрушения («Ах, война, что ж ты сделала, подлая...») — и утверждение жизни, вера в ее торжество, в победу над смертью («Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими, / не жалейте ни пуль, ни гранат / и себя не щадите, и все-таки / постарайтесь вернуться назад»). Подобно мн. современникам, поэт не может избыть свою причастность к прошлой войне, ответственность за прошлое: «Убил ли кого? Или вдруг поспешил и промазал?.. / ...А справиться негде. И надо решать самому» (стих. «Что было, то было. Минувшее не оживает...», 1996).

Переживший крушение романтической веры в коммунистические идеалы, отраженной в «Сентиментальном марше» и др., О. настойчиво ищет гуманистические ценности, чтобы привести ущербную действительность к гармонии. В 56 стих. из сб. «Чаепитие на Арбате» встречается олицетворенная надежда, которая «распахивает два своих крыла» (стих. «Цирк»), чтобы спасти героя от отчаянья. Среди подлинных ценностей — «малая родина», связанная с Москвой и Арбатом («Арбатские напевы», цикл «Музыка арбатского двора» и др.). За этой старинной моск. улочкой для поэта встает нечто неизмеримо большее, раздвигается худож. пространство и время: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты — мое отечество, / никогда до конца не пройти тебя!» («Ты течешь, как река. Странное название!...»). Тема Родины в позднем творчестве омрачилась сознанием, что «у нас — одни раздоры, только слезы да штыки» («Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть...»), что «родина померкла» («Ничего, что поздняя поверка...») и человек несет наказание за ист. грехи нации.

Любовью слушателей пользовался у О. образ единения людей, сплотившихся в противостоянии злу («Когда мне невмочь пересилить беду...», «Неистов и упрям...» и др.), недаром песня «Поднявший меч на наш союз...» стала гимном Клуба самодеятельной песни (КСП). Однако сообщество единомышленников как ценность не выдержало в глазах поэта проверки временем. Прославление открытой двери («Когда метель кричит, как зверь...») сменилось сознанием, что «кто-то властный наши души друг от друга уводил» («Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?...»), неприятием толпы «потных современников моих» («Да здравствует Великий Понедельник!..», 1977) и хвалой дому-крепости («Вот комната эта — храни ее Бог!...»). «Мед огней домашних» («Все глуше музыка души...») — вот ценность, завещанная детством, которая не изменяет поэту до последних дней. Неизменным остался и светлый образ «богини», созданной «по образу и духу» поэта («Мне нужно на кого-нибудь молиться...»), поразивший современников контрастом с жен. образами казенного иск-ва. Слова своей ранней песни «Не бродяги, не пропойцы...» поэт цитирует в поздней молитве «Красный клен» о едином спасении для себя и возлюбленной, подтверждая неизменность чувств. Клен — олицетворение Высшей силы, творящей миропорядок.

О том, какова сущность этой силы, О. размышляет на протяжении всей жизни. В анкетах и интервью противоречивость духовных исканий выражается в утверждении «Я атеист», неожиданном в устах автора многочисленных стихов-молитв, как общеизвестных («Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет...»), так и «непрочитанных» («Ты, живущий вне наших

сомнений и драм...» и др.). Концепция творчества О. тесно связана с логикой духовных исканий. Поэт убежден, что «кругом пророчества одни. А кто пророк — не знаю» («В чаду кварталов городских...»), он, подобно Ахматовой в «Тайнах ремесла», ясно ощущает Диктующего свыше, но не именует его Музой, полагая, что творчество не имеет отд. причины, отличной от общих причин бытия. Социальное бытие трагично, и поэт верит, «что вечный мир спасут страдания, / а не любовь и красота» («Поверившие в сны крамольные...»), отсюда и ценность трагического переживания в иск-ве: «Поэты плачут — нация жива» («Сестра моя прекрасная, Натела...»). Чаще источник поэзии О. видит в Природе, отсюда образ Кузнечика-поэта («О кузнечиках», «Полдень в деревне» и др.), восходящий к державинской анакреонтее. Особое место среди иск-в занимает у О. музыка. От слова, которому дано и лгать, и лукавить, музыка отлична тем, что «все звуки были в ней от Бога — / ни жалкой нотки от себя» («Шарманка старая крутилась...»). Поэтому музыка — это небесная минута на земле, остров в океане зла.

«Политические» стихи О. («Ну что, генералиссимус прекрасный...», «Памяти брата моего Гиви», «Убили моего отца...» и мн. др.), проникнутые горькими воспоминаниями, раздумьями о психологии сталинизма и его последствиях, опубл. лишь в годы «перестройки»; при предельной политизированности общества в этот период читатель воспринял их в жесткой зависимости от собственных полит. пристрастий.

Поэтика О. принадлежит к числу т. н. «мотивированных» систем (Тынянов) — худож. приемы намеренно укрыты автором от неискушенного глаза. Так, звуковые повторы не превышают 2-3 раз (в апрельском сквере, разбойный холод), внимание с рифмы перенесено внутрь смыслоцелостной строки. Приметы совр. разговорности в слове (мой дорогой, уж извините, понимаешь) уравновешены книжной лексикой (простертая, а не протянутая ладонь, внимать, а не слушать) с заметным предпочтением словарю 19 в. (дурной в значении плохой, дама вместо женщина). Пушкинские цитаты (твой труд упорный) и словоупотребления (твой гимн пространство огласит, посередине между войной и тишиной) также не превышают двух слов подряд, создавая иллюзию в целом нейтрального стиля. Преобладающим тропом является олицетворение (Судьба и перо ... стараются, лезут из кожи; Тверская ... провожала сквозь Москву; стоят ... кредиторы, молчаливые вера, надежда, любовь). В формах стиха наряду с широким использованием традиционных образцов имеются экспериментальные построения («В карете прошлого», «Парижские фантазии»), нетрадиционно длинная строка (6-стопные трехсложники, 7-стопный ямб и др.). Текст песен органично связан с мелодией и исполнением.

Первая пов. поэта «Будь здоров, школяр!» (1960-61) — о новобранце на войне. Опальная судьба сб. «Тарусские страницы» (1961), в котором она помещена, вошла в тот ряд проявлений нонконформизма, который обусловил недружелюбие чиновников от культуры к творчеству О., что создавало постоянные затруднения при выходе в свет книг, пластинок, теле- и радиопередач. В 1965 в соавторстве с режиссером В. Мотылем О. пишет по этой повести киносценарий. В результате был создан к/ф «Женя, Женечка и ,катуша'», в котором лирич. дневник школяра перетекает «в комедийно-авантюрный оужет с тем, чтобы стать ... своего рода романом воспитания» (Босенко В. [Вст. ст.] // Окуджава Б. «Капли Датского короля: Киносценарии. Песни для кино». М., 1991. С. 247). Сценарий к/ф П. Тодоровского «Верность» (1965), написанный в соавторстве с режиссером, посв. будням воен. училища времен войны. Не были поставлены к/ф по сценариям О. и О. Арцимович «Мы любили Мельпомену», где интерес к ист. прошлому и к проблеме взаимоотношений иск-ва и власти спроецирован на образ великого рус. актера Федора Волкова, и «Частная жизнь Александра Сергеевича, или Пушкин в Одессе» (Киносценарии: [Альм.]. 1995. № 4). По ряду произв. О. поставлены драматические спектакли.

Свидетель ист. эпохи, О. создал в малой прозе портрет времени. События рассказов «Утро красит нежным светом» (1975), «Уроки музыки» (1985), «Заезжий музыкант» (М., 1993) происходят в первые годы войны, и ее страшная правда показана глазами наивно-романтического юноши. В этом малая проза писателя совпадает с «лейтенантской» воен. прозой. В пов. «Новенький как с иголки» (1962), рассказах «Частная жизнь Александра

Пушкина...» (1976), «Искусство кройки и житья» (1987), «Нечаянная радость» (1989) создан ист. портрет позднего сталинизма с его глубочайшим проникновением в частную жизнь, в приватное поведение и мировоззрение. В рассказе «Девушка моей мечты» (1986), связанном с реабилитацией незаконно пострадавших, показано, что репрессии ломают восприятие человеком окружающего мира, что ему необычайно трудно, почти невозможно жить полнокровной жизнью. Два образа действительности, реальный и идеальный, сосуществуют в сознании героя, освещая одновременно и историю страны, и психол. портреты ее участников. Пов. «Приключения секретного баптиста» (1984) и рассказ «Подозрительный инструмент» (1988) отразили проблемы сов. общества послесталинской эпохи: от методов партийного руководства культурой и духовной жизнью до нравств. проблемы выбора между требованиями власть имущих и совестью неодоуроченного человека. В рассказах «Как Иван Иванович осчастливил целую страну» (1990), «Выписка из давно минувшего дела» и «Около Риволи...» (оба — 1991) сюжет зарубежной поездки обнажает психологию нашего соотечественника.

Сопологая действительный и чаемый мир героев, О. выявляет ист. ответственность личности. В семейной хронике «Упраздненный театр» (1989-93) автор, анализируя поступки юного героя, принимает часть ист. вины большевиков на самого себя, единомышленника родителей. Хроника, начинаясь с дедушек и бабушек, завершается собственным детством, тридцатыми годами. Худож. пространство вмещает уходящее разнообразие мира: «крикливый, празднолюбивый, томный» Тифлис, коробка арбатского двора, «желто-красное сияние, прореженное синими искрами» в храме Христа Спасителя, «бескрайность до горизонта» близ Нижнего Тагила. Этот фон противопоставлен целеустремленному сознанию убежденных большевиков. Автор «снисходителен к их невежеству с высоты нынешних дней, к их юному сектантству, к тому, если хотите, романтическому выбору, который они сделали, понимая его как высшую ступень благородного служения идеалам». Так, главным зеркалом ист. эпохи оказывается внутренний мир героя и его близких, что проявилось и в «Автобиографических анекдотах» (Новый мир. 1997. № 1), исполненных глубокого психологизма и самоиронии.

Внимание к внутреннему миру связано с пристальным интересом к становлению личности, к воспитанию. О. хотел бы, «чтобы каждая человеческая личность обрела возможность неповторимого индивидуального развития». В дет. книжке «Прелестные приключения» (1971) рассказчика сопровождают воистину неповторимые существа. Только Невыносимый Приставучий Каруд (читай наоборот. — С. Б., В. З.) беспрестанно требует: «А ну-ка думайте все про одно и то же!». Разумеется, героям удалось от него спастись!

Из осмысления современности вырос интерес О. к прошлому. Его перу принадлежат ист. романы «Глоток свободы» («Бедный Авросимов») (1965-68, опубл. в 1969, отд. кн. — 1971), «Мерси, или Похождения Шилова: Старинный водевиль» (1969-70, опубл. в 1971), «Путешествие дилетантов» (1971-77, опубл. в 1976-78), «Свидание с Бонапартом» (1983); пьеса о судьбе Павла Пестеля «Глоток свободы» шла на сценах сов. театров. Писателю удалось увидеть в событиях века минувшего соответствия с проблемами века нынешнего, сохранив при этом неповторимый аромат эпохи, почерпнутый из «мемуаров разных лиц», из ист. трудов.

Шутливо именуя «Путешествие дилетантов» «Прогулками фрайеров» («По прихоти судьбы — разносчицы даров...»), поэт обращается к жене Ольге: «Я написал роман о них, но в их лице / о нас: ведь всё, мой друг, о нас с тобою...». Эти строки важны в споре о тематике романа: есть ли это история о могуществе любви или повесть о маленьком человеке. Высокородного Мятлева, как и высокорослого Авросимова, причисляют к этому важнейшему ряду героев рус. лит-ры (Хотимский Б. Поэт приходит в прозу // Окуджава Б. «Избранная проза». М., 1979). Своеобразие маленького человека О. в том, что великие люди своим духовным обликом воздействуют на его жизнь и мнения: Пестель — на судебного писаря Авросимова, Лев Толстой — на секота Шилова, Лермонтов — на князя Мятлева. Отличительная особенность романов — близость автора к «маленькому человеку», соединенная с преемственностью по отношению к великим.

В романе «Свидание с Бонапартом» «Окуджаве важно было показать изживание иллюзий как драматический процесс... Он вскрыл декабристский миф ... и на нем выверил исконные интеллектуальные идеи русской культуры о народе и революции» (Белая Г. Он не хотел жить с головой повернутой назад // Булат Окуджава. Специальный вып. [Лит. газ.]. М., 1997). Свобода, воплощаемая на практике, неминуемо вызывает кровопролитие. Консерватизм, напротив, оказывается сравнительно бескровной системой. Это, впрочем, не означает ее гуманности: пресекая восстание своих крепостных во время наполеоновского нашествия, Варвара отдает приказ утопить двоих зачинщиков. В судьбе Тимоши, ровесника и единомышленника декабристов, встреча двух видов социальной морали оказывается губительной. Подобно своему деду, писавшему в нач. века в своей предсмертной записке, что «все окружающее меня в России вызывает ужас и боль», Тимоша без видимых причин кончает самоубийством.

Каждый из участников ист. событий вносит свой штрих в их очертания. «Пусть полковник передаст Бонапарту, что русский генерал, которого он спас когда-то, убит французским драгуном, а австрийский учитель, из-за которого началась эта война, расстрелян на московской улице и теперь император может спокойно возвращаться в свою Францию», — эти утверждения уходят корнями в толстовское представление о роли личности в истории, об ист. процессе как равнодействующей всех частных волеизъявлений современников события.

Произв. О. переведены на англ., франц., нем., датский и мн. др. языки.

Соч.: Избр. Произв. В 2 т. / Предисл. Г. Белой «Булат Окуджава, время и мы». М., 1989; Песни Булата Окуджавы: Мелодии и тексты / Предисл. Л. Шилова «Поэт и певец». М., 1989, Упраздненный театр: Семейная хроника. М., 1995; Чаепитие на Арбате. М., 1996; Уроки пальбы: Стихи // Знамя. 1997. № 1.

Лит.: Жолковский А. «Рай, замаскированный под двор». Заметки о поэтич. мире Б. Окуджавы // Жолковский А., Щеглов Ю. Мир автора и структура текста. Tenaflly, 1986; Бирюкова С. Спасите наши души.... Окуджава Высоцкий. Бард-рок. Тамбов, 1990, Новиков Вл. И. Булат Окуджава // Авт. песня / Сост. Вл. И. Новиков. М., 1997; [Восп. и ст. о Б. Окуджаве; библиография его трудов и работ о нем] / Сост. А.Е. Крылов, В.Ш. Юровский // Лит. обозрение. 1998. №9, Свирский Г. На лобном месте: Лит-ра нравств. сопротивления. 1946-1986. М., 1998, Рассадин С. Б. Булат Окуджава. М., 1999; «Свой поэтич. материк...»: Научные чтения, посв. 75-летию со дня рождения Б. Окуджавы М., 1999, Чайковский Р. Р. Милости Булата Окуджавы. Магадан, 1999; Blanc H. Les auteurs du printemps russe: Okoudjava, Galitch, Vyssotski. Montricher, 1991.

С. С. Войно, В. А. Зайцев